

Юлия Макарова

За гранью:

три чужих

желания

16+

Юлия Макарова

За гранью: три чужих желания

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Макарова Ю.

За гранью: три чужих желания / Ю. Макарова — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Выполняя последнюю просьбу подруги, Лена Ушакова совершенно неожиданно для себя открывает новый мир. Оказалось, что если сильно постараться, то можно переехать в дом своей мечты, начать заниматься действительно любимым делом, завести новых друзей, и даже встретить человека, который будет тебе очень дорог.

НАЧАЛО

Сейчас я вспоминаю об этом почти с юмором. Он, слава Богу, наконец-то ко мне вернулся. А вот два года назад... Впрочем, обо всем по порядку.

Это началось еще раньше – уже целых три года прошло с того момента, когда я услышала от своей подруги страшнейшие слова. Нам обеим было чуть за сорок, но именно тогда я всем нутром ощутила, что на самом деле мы еще совсем молоды. Ну, просто совсем! Несмотря на то, что у нас с ней взрослые дети, а у меня еще и заметно поседевший и полысевший муж (Алла развелась со своим благоверным почти сразу после рождения Антона) – нам не настолько много лет, чтобы подводить итоговую черту. Но жизнь сама взяла и подвела эту проклятую черту для моей подруги.

Узнав о ее страшном диагнозе, мы обе пережили дикий шок. И никак не смогли с ним смириться. Как мы не старались успокаивать друг друга, как не приободряли и не улыбались друг дружке, но все рухнуло для нас в один миг. Надежды на выздоровление не было. Что пережили мы с нею – не описать никакими словами. Это состояние может понять только тот, кто на своей собственной шкуре испытал то же самое. Пусть простит меня читатель за столь грубое слово «шкура», но, по крайней мере, моя кожа за это время точно превратилась в шкуру, огрубела, так же как и сердце мое закаменело. Иначе я бы просто всего этого не выдержала. А нужно было выдержать. Потому что страшно было нам обеим. Но я просто не имела права отступить и бросить подругу.

ЭТО БЫЛ АД. Моей ни в чем не повинной Аллочке пришлось пройти через жуткую боль. И самым кошмарным во всем было то, что конец был однозначно страшен. Он приближался с каждым днем. Одна мучилась, доживая, другая – сходила с ума от жалости и собственного бессилия.

Мой и Аллочкин сыновья жили очень далеко от нас. Я не осуждаю Антона за то, что он не бросил все и не был с матерью в это время. Не мне его судить. Ему с этим жить. Приезжать – приезжал. Но, как и большинство мужиков, (я не говорю – всех, знаю, что есть еще такие, что принимают на себя столь тяжкий груз и до последнего достойно ухаживают за близкими, но таковых немного), Антон при виде слабеющей матери просто терялся.

И тогда я, переругавшись со своим мужем, просто перебралась к Аллочке. Когда стало совсем плохо, да и по словам врачей оставалось совсем недолго, я взяла отпуск и проводила рядом с подругой все дни и ночи напролет. И передумала за это время целый вагон всяких мыслей. А самой главной из них была одна – жизнь коротка. Этот пунктик родился в моем мозгу и поселился там, наверное, навечно.

И однажды, словно вторя моим думам, Аллочка подтолкнула меня на то, чему я посвящу свой дальнейший рассказ. Сначала она попросила, чтобы я взяла ручку и лист бумаги. И слабым голосом велела:

– А теперь пиши. – Я приготовилась выслушать ее указы. – Ставь цифру «один».

Я поставила.

– Пиши. Полетать на самолете.

Я с трудом сдержала лицо. Это, наверное, начинается бред. Хотя пока что Алла была в разуме, но как-то раз врач уже спрашивала меня – адекватна ли больная. Значит, начинается. Я вздохнула. Ну что ж...

– Ставь цифру «два». – Подруга говорила медленно. Я послушно выполняла ее приказание. – Пиши. Поплывать в море.

Я написала.

– «Три». Переспать с чужим мужиком. – Подруга подумала и добавила вполне серьезно. – Слово «мужик» напиши с большой буквы.

Я выронила ручку.

Она закатилась под кровать. Когда, не проронив ни слова, я полезла за ней, над моей спиной раздался хриплый смешок.

– Думаешь, я совсем спятила?

Ручка была недалеко, но я взяла тайм аут, и, сидя на коленках и немного протиснувшись под кровать, делала вид, что пытаюсь ее достать. Ну что мне ответить Аллочке?

– Пиши-пиши. – Продолжила настаивать подруга, когда я снова явилась из своего укрытия. – Я еще не совсем чокнулась. Сейчас все объясню.

Пришлось записать.

– Так вот, Ленок... – Алла всегда звала меня так. Все эти четверть века, что мы с ней знакомы, с того самого дня, когда оказались на соседних койках в роддоме. Только она родила своего Антона на день раньше, чем я Сашку. Как-то, приняв «на грудь» нашего с ней любимого «Муската», я спросила – почему именно «Ленок», а не Лена или пусть даже Ленка?

– А ты себя в зеркало видела?

– Видела. И что?

– Волосы твои – они же – как лен. Сколько уже тебя знаю – а ты ни разу не красилась.

– А мне мой цвет и так нравится.

– Мне тоже нравится. Вот потому и «Ленок»...

– Прочитай-ка мне – чего ты там написала.

Я послушно прочитала. Аллочка удовлетворенно кивнула и прикрыла глаза. Собравшись с силами, она продолжила:

– Знаешь, это мои самые такие желания... Вроде бы и не сложные, но только я за всю жизнь так и не осуществила ни одно из них. Обещай мне, Леноч, что ты исполнишь мою просьбу.

– Какую? – Я все еще находилась в состоянии легкого ступора.

– Выполни эти мои желания. За меня.

Мои глаза поползли на лоб. Я еще раз сунула нос в листок.

– Ал! Все бы ничего, но последний пункт! И почему «мужик» с большой буквы?

– Именно потому и с большой. Чтобы это был именно МУЖИК, а не просто особь мужского пола. А на счет своего благоверного не заморачивайся. Я в курсе ваших... нестабильных – она усмехнулась, – отношений. Так что от него не убудет, а ты хоть попробуешь. Я жалею, что сама, дура, на это так и не решилась.

– Я же тебе всегда говорила – заведи себе кого-нибудь.

– Кого-нибудь я не хотела. Все чистоту блюла. А кому она нужна-то – эта чистота? Антон пока был маленький – думала, как он с отчимом будет, вдруг не заладится у них? А когда тот вырос – сама уже начала привередничать. А, выходит, что зря...

Я только вздохнула ей ответ.

– Обещай мне, что исполнишь их все.

– Алла, ты сошла с ума! Прости, конечно...

– Прощаю, – слабо улыбнулась подруга. – Но только ты выполни. В них же нет нечего ужасного. Ты выполни, а я сверху посмотрю. И порадуюсь за тебя... и за себя...

Слезы брызнули из моих глаз. Закусив губы, я закивала. Разве я могла ей отказать?

После смерти Аллы я приходила в себя долго. Очень долго. А спустя полтора года мне в руки случайно попал этот листок. Я, если честно, совсем о нем не вспоминала. В принципе он уже давно должен был потеряться. Но он сохранился. Сначала я поплакала над ним. Потом поулыбалась. А потом задумалась. После случившегося я раз и навсегда уяснила для себя, что жизнь коротка. И самые сокровенные наши желания не настолько порой сумасшедши и дорогостоящи, как мы о них думаем.

После очередного мужниного загула я снова взялась за этот листок. А что, собственно... По крайней мере, два первых желания можно осуществить, причем соединив воедино. Поджавшись, я, пожалуй, вполне смогу накопить себе на поездку на море. И слетаю туда на самолете. Пусть страшновато, конечно. Но я ведь тоже никогда не видела землю с высоты птичьего полета. И моря тоже не видела. Мой взгляд остановился на перечне Аллочкиных желаний. Меня смутило одно слово во втором пункте. «Поплывать в море».

Плывать я не умела.

ПУНКТ ПЕРВЫЙ

Шаг первый

Пришлось мне тащиться в бассейн. Если бы некоторое время назад кто-то мне сказал, что я, а тем более в возрасте «хорошо за сорок» отправлюсь в бассейн, да еще и буду учиться плавать – я смеялась бы долго. А теперь... В общем, как говорится, человек предполагает...а все остальное сложится так, как сложится...

Я всю жизнь ненавидела хлорированную воду и боялась глубины. А еще стеснялась ходить «на людях» в купальнике. Всю свою сознательную жизнь я комплексовала по поводу своей фигуры. В детстве была пухлой, потом немного похудела. После родов набрала весьма приличный вес, и долгое время ходила как колобок. Пережив потерю подруги, я вдруг с удивлением заметила, что опять похудела. Причем настолько сильно, что даже струхнула и на всякий случай прошла медосмотр. Вроде все было нормально – просто сказала нервотрепка и бессонные ночи. Спустя некоторое время часть веса вернулась. Но безобразно толстой я больше не была. А вот комплекс остался. И потому первое время на занятиях в бассейне я жутко стеснялась. Потом привыкла.

Плывать я училась долго. Страх глубины крепко сидел где-то внутри меня. Так же неважно получалось еще у одной дамы чуть постарше чем я. Она была весьма упитанна и обладала великолепным чувством юмора. Не была безмерно смешлива, но насмешить других могла одной фразой, причем сказав ее с совершенно серьезным видом.

Вот и мне она однажды заявила после очередной не очень удачной попытки поплыть самостоятельно. Сплевывая воду и отфыркиваясь, толстушка уцепилась за край бассейна.

– Одно успокаивает – тону хорошо. Значит к веществу на букву «г» не сильно отношусь.

Я в этот момент тоже фыркала и сплевывала после такого же неловкого «плавания». Когда до меня дошел смысл сказанного, я заржала в голос. Знала, что это неэтично, но почему-то именно в этот момент мне было жутко смешно. Может, конечно, так выплескивалась злость на собственное бестолковство, не знаю. «Коллега» усмехнулась и представилась.

– Катя.

– Лена.

С этого дня мы подружились. Оказалось, что Катерина моложе меня на десять лет. А этот злополучный десяток ей добавлял избыточный вес. Именно это и привело ее сюда. Мужу Екатерины приглянулась одна очень фигуристая дама. Катя сначала хотела подать на развод, но потом словно пелена упала с ее глаз. И она решила изменить себя.

– А уж там пусть, как хочет – хочет – уходит, хочет – пусть остается.

– Похудеешь... Но ведь придется потом все время себя в жестких рамках держать? – С сомнением сказала я.

– Сначала надо выполнить пункт первый.

Я вздрогнула. И тут пункты. Кате я не рассказывала – почему сама оказалась в бассейне, а она и не спрашивала. Она вообще не лезла в душу – и этим еще больше мне нравилась.

– У вас упало.

Я обернулась. Задумавшись, я стояла возле окна. Полотенце, небрежно кинутое через висящую на плече сумку, видимо, съехало – именно его мне и протягивал какой-то мужчина.

– Спасибо. – Я взяла полотенце и, снова развернувшись к окну, стала заталкивать его в сумку. Настроение у меня было, прямо скажем, не очень. Как я не старалась – плавание мне покоряться не спешило. Или я чего-то не понимала и не улавливала, или это просто было не мое... А может взять и бросить все к черту! Подумаешь, можно ведь и так в море поплескаться... Хотя Аллочка хорошо плавала, она бы наверняка именно ПОПЛЫЛА в морской воде... А я ей обещала.

Тяжело вздохнув, я отогнала от себя трусливые мысли об отступлении, и пошла к выходу, твердо дав себе зарок, что приду сюда завтра пораньше.

В бассейне почти никого не было, только по дальней дорожке мастерски плыл какой-то мужчина, да в стороне мамочка с малышом осваивали технику плавания. Я начала старательно отрабатывать то, чему нас учит инструктор.

– Не бойтесь воды.

Я обернулась. Где-то я этого мужика уже видела. А, ну, да – вчера он поднял мое полотенце. Краем глаза я успела заметить, что дальняя дорожка опустела – значит, это он там так умело рассекал водную гладь.

– Вы попробуйте просто лечь на воду.

Ну да, то же самое нам толкует и инструктор, но не у всех это так уж здорово получается. Я чуть скривила лицо.

– Вам легко говорить – сами плаваете, как бог.

– Но я ведь тоже когда-то учился. И вы попробуйте.

– Да как же я на нее лягу! – Возмутилась я. – Я ложусь и сразу же тону.

– А вы расслабьтесь и не думайте про то, что под вами глубина. Представьте, что вы ложитесь на мягкий матрас. И тело свое расслабьте, оно воде совсем не нужно, она его, наоборот, сама просто вытолкнет на поверхность.

Мужчина изобразил ладонями, как должно ровненько лечь мое тело на поверхность воды.

На его правой руке блеснуло обручальное кольцо.

Я сразу же утратила к нему всякий интерес.

Видимо что-то отразилось на моем лице, потому как он качнул головой и, суховато проговорив: «Пробуйте. У вас получится», в несколько гребков удалился к себе на дальнюю дорожку.

Плывать я все же научилась. Не скажу, что осилила великие вершины, но для меня и то, что я просто держусь на воде, да еще и могу довольно сносно в ней перемещаться, было огромной победой. Даже нет, не огромной, а ОГРОМНЕЙШЕЙ! Я начала понемногу гордиться собой, чего за мной отродясь не водилось.

Я собралась упасть. Точнее сказать – уже почти падала – просто на какие-то доли секунды забалансировала, пытаясь устоять, поскользнувшись на обледенелом тротуаре. И в эти хрупкие мгновения я успела попрощаться с двумя десятками яиц, которые тащила в сумке. И дернул же меня черт их купить! А то бы я не прожила без них! Вот сейчас грохнусь и сразу наемся! И троллейбус, к которому я так торопливо трусилась по дорожке с полной авоськой, тоже меня ждать не будет.

Но упасть мне не удалось. Чьи-то сильные руки подхватили меня и помогли устоять. Я обернулась.

– Спасибо.

– Да не за что.

Странно, мне кажется, я где-то уже видела этого человека. Он тоже как-то заинтересованно взглянул на меня. Но времени на раздумья у нас не было – троллейбус уже вбирал в свое нутро последних стоявших на остановке людей, а, значит, сейчас его двери захлопнутся.

– Вы, кажется, на троллейбус спешили? – Спросил он. Я согласно мотнула головой. – Ну, тогда побежали!

И мы рванули к троллейбусу. Мужчина помог мне забраться в него, а потому, как народу в час пик внутри оказалось немало, то волею судьбы мы оказались рядом. Сидеть было негде, и мой спаситель схватился за верхний поручень, а меня пропустил поближе к окну, тем самым будто бы создав укрытие для меня и для моих спасенных яиц. Ближайший к моему дому магазин третий день был закрыт на ревизию, вот я и надумала затариться провизией по дороге с работы. Все бы ничего, но эти яйца! Охраняй вот теперь их!

Мужчина молчал. Я тоже. Тем более что встала спиной к нему. Да и о чем, собственно, можно разговаривать со случайным попутчиком, пусть даже и спасшим тебя от верного падения?

... И все же я где-то видела это лицо...

Проехали одну остановку. Народ за спиной моего защитника стал перемещаться – кто собрался выходить, а кто протискивался на освободившиеся места. Мужчина места дислокации менять не собирался. Только поинтересовался у меня, не собираюсь ли я выходить?

– Нет, мне на следующей. – Он согласно кивнул.

Когда приблизилась «моя» остановка, я увидела, как один из пробиравшихся из нутра троллейбуса пассажиров вдруг заулыбался, глядя на моего спутника. Тот уже пропускал меня к выходу, когда я услышала радостный вопль:

– Валерка! Сосновский! Ты ли это?!

Я обернулась. Мой сосед почему-то тоже. Мы встретились с ним глазами на какой-то миг, и тут же дверцы троллейбуса распахнулись и людской поток вынес меня наружу.

Перехватив поудобнее сумку со своими драгоценными яйцами, я пошла по тротуару. И вдруг вспомнила, где я его видела. Этот человек подавал мне оброненное полотенце и советовал не бояться воды. Это было месяца три назад, когда я училась плавать в бассейне. Правда, больше я его ни разу там не видела...

Теперь я знала, как его зовут. Но мне это было совершенно ни к чему.

ШАГ ВТОРОЙ

К своему заветному листочку я вернулась после новогодних праздников. Странно, что я его не теряла, потому как специально хранить даже и не собиралась. Все пункты и так были у меня в голове. А тут он взял и попался мне в руки во время моей любимой «разборки углов» на Новый Год. Я вообще люблю «разбирать углы» и делаю это стабильно перед зимними праздниками и перед Пасхой. Тогда в мусорные пакеты летит все, на что не поднималась рука до сих пор. После таких разборок немного освобождались шкафы и полки, и становилось заметно легче на душе. Не зря же умные люди говорят, что старье притягивает негатив. Негатива в моей жизни и так временами было хоть отбавляй. Вот я его и отбавляла, как могла.

Наткнувшись на листок, я снова взгрустнула. Вспомнила Аллочку, хотя я ее и так никогда не забывала. Мне ее очень не хватало. Даже нет, не очень, а просто ЖУТКО не хватало! Потом снова улыбнулась. Пробежалась по листку глазами.

Ровно три месяца назад я по-настоящему проплыла в бассейне от бортика до бортика. Особой радости от этого я не испытывала, и в бассейн больше не ходила. Но деньги на то, чтобы слетать на море уже начала откладывать. Понемногу, но ежемесячно. Надеюсь, что не

случится ничего сверхъестественного, и, может быть, даже этим летом я выполню второе желание Аллочки.

На путевку я накопила в конце июля. И именно в это же время я наконец-то решилась разобраться в своих отношениях с Ушаковым. Ушаков – это мой муж, отец моего сына Сашки. Мы с ним последние лет пять жили как на вулкане. Может быть и я, конечно, была в чем-то виновата, не спору. Но я не пила. А Ушаков пил. Я не была стопроцентной трезвенницей, нет. Но всегда знала меру и пила «по поводу». Как огромное большинство людей. «Просто выпить» мне никогда не хотелось. А Ушакову хотелось. И делал это он мастерски. Ежемесячные загулы затягивались как минимум на неделю, а то и на две. Места работы он менял раз в полгода, а то и почаще. И с каждым разом все меньше и меньше становился его заработок.

Я боролась. Честно, я боролась. Не с ним, а за него. Много лет. И по-хорошему и по-плохому пыталась вытащить мужа из ямы. Но эти усилия были только с одной стороны. С моей. Ушаков спастись не желал. А, как говорится, один в поле не воин. По-крайней мере, на этом поле битвы – точно.

И я сдалась. Последней каплей было то, что он пропил мое золотое кольцо. Это был подарок моих родителей на двадцатипятилетие. До такого он еще не опускался. Деньги я и так уже давно прятала, а тут – НА тебе! Утром забыла надеть кольцо на палец, а вечером уже не нашла. Зато Ушаков пропал на два дня. Когда он вернулся и немного пришел в себя, то сознался, что именно он прихватил мое колечко.

– Мне нужны были деньги. – Не очень ровным голосом заявил он в ответ на мои расспросы.

– Зачем?

Я могла бы и не спрашивать...

Я вызвала слесаря и вставила замок в дверь одной из комнат. Перетащила туда все свои и более – менее ценные наши общие вещи. И подала на развод.

А вот с выбором путевки мне, пожалуй, самой было не справиться. Я позвонила Кате.

После знакомства в бассейне мы с ней стали добрыми приятельницами. Перезванивались время от времени, несколько раз даже встречались и просиживали по паре часиков в кафе.

Надо заметить, что похудеть ей все-таки удалось, да и плавать Катя, так же как и я, с большим трудом, но научилась. С мужем они помирились, и даже собирались теперь завести второго ребенка. И поэтому еще в июне устроили себе медовый месяц и съездили на юг. При чем сделали это вполне цивилизованно – купили путевку и отдохнули в нормальном санатории.

Я тоже желала вкусить такой цивилизации и потому в двадцатых числах июля набрала Катин номер.

Мы договорились встретиться в нашем любимом кафе. Узнав о моих планах, Катерина приняла в их исполнении самое что ни на есть активное участие. А именно: дала номер турагентства, через которое они сами заказывали путевку, дала некоторые рекомендации, что желать, а чего не желать при разговоре с туроператором. Ну, и так, еще кое-что по мелочи.

За соседним столиком о чем-то громко заспорили четверо мужчин. Катя удивленно подняла брови и покосилась в их сторону.

– Иностранцы что ли? Говорят вроде громко, но ничего непонятно!

– Немцы. Решают, как провести сегодняшний вечер. Тот, что в свитере, предлагает остаться на теплоходе, а остальные желают развлечься где-нибудь в городе.

– А ты откуда знаешь? – вытаращила глаза Катя.

– А у меня пятерка была в школе по немецкому.

– У меня у самой четверка по английскому, но я помню только несколько слов, а уж беглую речь и вовсе не понимаю.

– А у меня учительница была хорошая. Она очень нас любила, и преподавала интересно. Да и не так уж я хорошо все понимаю.

– Все равно. – Катя восхищенно смотрела на меня. – Прикольно. Почти хорошо знаешь язык, а сидишь на своей почте!

– А куда прикажешь мне идти? – Я много лет работала оператором в своем почтовом отделении.

– Подучила бы свой немецкий, да устроилась куда-нибудь, где нужен специалист такого класса. У них зарплата-то побольше твоей. Да и судьбу свою, может быть, получилось бы получше устроить. И вообще было бы интереснее жить.

– Я подумаю. – Усмехнулась я.

И подумала. Тратить деньги на курсы немецкого я не могла – у меня и так их было вприпык. Я просто пошла и купила несколько книг и дисков для самообучения. И в меру своих возможностей занялась шлифовкой бывших знаний.

Спустя какое-то время я вдруг поняла, что мне начинает нравиться эта жизнь. Эта моя **НОВАЯ** жизнь. Я уже вполне сносно владела немецким языком, умела плавать, а лето было в меру теплым и солнечным. В укромном уголке у меня была припрятана недавно приобретенная путевка на море. Правда на наше море, а не на заграничное, но тем не менее... Уже сама мысль об этом грела душу. В принципе, до реального исполнения желаний оставалось уже совсем немного времени...

– Слушай, Лен, у меня к тебе предложение. – Звонок Катерины застал меня на подходе к дому. Подниматься по лестнице и разговаривать мне не хотелось, и я уселась на скамейку.

– Какое?

– У моей одной знакомой девочка учится в пятом классе. Так хорошо учится, а вот в языке «плывет». Поможешь?

– В смысле? – не поняла я.

– Подтянуть девчонку по немецкому. Ты же хорошо «шпрехаешь»!

– А почему я? Наняли бы репетитора.

– Да с деньгами у них не очень... детей трое, а мать одна... Ну, ты понимаешь...

Я помолчала. Уж кому и понимать... Нас у матери тоже было трое, а отец разбился на мотоцикле, когда самой младшей сестре было два года. Мама вышла замуж за нашего отчима только спустя десять лет. Так что о безденежье я знаю не понаслышке. Катя расценила мое молчание по-своему.

– Они заплатят, честное слово! Ты не думай! Только не очень много...

– Да не в этом дело. Я же не учитель.

– А ей не в МГИМО поступать. Подтянешь немного, а там уж пусть сама.

– А если не получится?

– Это почему же?

– Повторяю для непонятливых – Я НЕ ПЕДАГОГ! – С нажимом произнесла я.

– Но ты и не пробовала еще...

В общем, я согласилась.

Моей ученицей оказалась худенькая девочка с огромными синими глазами и длиннющими пшеничными косами. Толк от ученицы был, по крайней мере, на столько, на сколько я могла об этом судить. Планка моя не была задрана очень высоко – я же не преподаватель. А так, по моим меркам, язык она могла вполне сносно выучить. Звали девочку Аленкой. А меня, как вы помните, Леной, и это было прикольно и ей и мне. И в самом деле, общий язык мы нашли быстро, да и вообще оказались очень похожи по характеру.

У моей подопечной была одна проблема – она часто болела. Об этом мне при первой же встрече рассказала ее мама – высокая и такая же синеглазая, как и дочь, женщина по имени Ольга.

– Вот и напропускала уроков, зато никак у нее с языком ладу нет. Остальные-то уроки мы со старшим сыном ей помогаем разбирать, а вот немецкий мы не учили, у нас в школе английский был. И у него и у меня...

Несколько первых занятий Аленка исправно посещала, а спустя недели две мне позвонила Ольга и предупредила, что девочка снова прихворнула. Это было воскресенье, никаких срочных дел у меня запланировано не было, и я предложила Ольге приехать к ним сама. Та заколебалась.

– Мы живем не в самом городе... Неудобно вас напрягать...

У меня имелась своя маленькая машинка, было свободное время. Да и жили они совсем недалеко от меня. И спустя минут двадцать я уже неторопливо ехала по аккуратной сельской улочке, высматривая продиктованный по телефону адрес.

Когда я вошла в комнату, сердце мое замерло. А потом камнем упало вниз. Мужчина, сидевший на корточках перед перевернутым стулом, повернулся. Потом медленно поднялся. И я поняла, что пропала.

Это был мужчина моей мечты. Высокий, хорошо сложенный, загорелый. Правильные черты лица, умные честные глаза. Бог мой, какая же все-таки я дура! Умом я это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Я просто стояла и пялилась на этого Апполона.

– Здравствуйте. – Апполон с интересом смотрел на меня.

– Здравствуйте. – Как замороженная почти прошептала я.

Молчание затягивалось.

– Вы к кому? – наконец проговорила моя мечта.

– Я? – К тебе. – Очень хотелось сказать мне. Но в какой-то момент я очнулась. – Я? Я к Алене.

– А-а. Вы, наверное, учительница немецкого?

Я не стала уточнять подробности, просто кивнула.

– Проходите. – Он сделал приглашающий жест рукой. И позвал девочку: – Аленка, к тебе пришли!

Аленка выглянула из дальней двери.

– Елена Николаевна, здрасте! Пойдемте сюда!

Горло у ребенка было замотано толстым шарфом, и говорила она очень гнусаво.

– Что ж тебя дернуло так заболеть, да еще летом? – Поинтересовалась я, усаживаясь на стул в ее комнате.

– А! – Махнула рукой девочка. – Мороженого поела.

– А тебе нельзя? – Уточнила я.

– В принципе можно, но не быстро чтобы глотать.

– А ты быстро глотала? – Улыбнулась я.

– Конечно! – Непосредственно поддакнула Аленка. – Вовка же меня ждал!

Если начать выяснять, кто такой Вовка и с какой целью он ее ждал, то к занятиям мы приступим нескоро. Раньше я, может, и поторопилась бы, но сейчас, когда за стеной копался со стулом МУЖЧИНА МОЕЙ МЕЧТЫ, мне лично спешить было некуда. И я спросила про Вовку.

Так и есть. Несколько минут Аленка сипловатым голосом вещала мне о своей маленькой жизни. Зато я теперь знала, что Вовка – это соседский мальчик, что они учатся с ним в одном классе. А ждал он Аленку для того, чтобы пойти на речку.

– Значит, ты быстро проглотила мороженое, которое тебе можно есть, но только маленькими порциями, а потом еще и накупалась? – Я готова была расхохотаться.

– Угу. – Кивнула Аленка, усаживаясь на стул напротив меня.

– Мама, наверное, сильно ругала? – Посочувствовала я.

– Да нет, не очень. Но я поправлюсь! – Решительно заявила девочка. – Дядя Леша приехал, мне нельзя болеть!

– А дядя Леша – это кто? – Как бы невзначай поинтересовалась я, но сердцем чувствовала, что сейчас речь пойдет о человеке, мысли о котором начинали дурманить мой мозг.

– А вы его видели – он там стул чинит. Герка на нем качался все время, и ножку в конце концов сломал. Когда мы после обеда чай пили.

– А Гера – это...

– Это мой младший братик. Ему всего восемь лет.

– И его тоже не ругали?

– Нет.

Я бы, наверное, тоже не стала никого ругать, будь со мной рядом в этот момент такой... друг...

– Дядя Леша сказал, что можно нормально починить – там просто надо как следует стык проклеить. – Солидно повторила Аленка явно дядилешины слова.

– Это, конечно, хорошо, что можно починить, но вы лучше мебель не ломайте, а то дяде Леше придется за вами все переделывать.

– А ему и так с нами достается! – Махнула рукой девочка. – Он, когда приезжает, все время чего-нибудь чинит.

– Что ж вы так его не бережете? Вот устанет он и не будет к вам больше приезжать. – Я улыбнулась.

– Будет, куда же ему деваться. – Аленка раскрыла учебник и потянулась за тетрадью. – Это же и его дом тоже.

Я затаила дыхание. Еще чуть-чуть и я узнаю, кто же такой дядя Леша, а вернее, кем он приходится хозяйке дома.

– Это как же? – как можно нейтральнее спросила я, заглядывая в тетрадку, где вела свои записи по урокам.

– Так он же наш дядя, мамин брат. А мы живем в доме, где жили бабушка и дедушка. И моя мама, и дядя Леша. Только он сейчас далеко живет – он у нас строитель, какие-то специальные штучки строит, я не очень в этом понимаю. А к нам зимой в отпуск приезжает. Только сейчас он ненадолго приехал. Дела у него какие-то...

Я покраснела. И от радости и от стыда одновременно. Это, конечно, хорошо, что Аполлон не любовник Ольги, но и в то же время мне стало неудобно, что я прямо вот так, с ходу, подумала о людях не очень красиво.

Мы занялись с Аленкой немецким.

Когда наши занятия закончились, я велела девочке оставаться в комнате, а сама отправилась на выход. Я уже знала, что Ольга куда-то ушла, куда именно я просто не взяла в голову, так как все мысли мои крутились вокруг Аполлона-Алексея. И потому я протопала к двери, искренне надеясь на то, что еще раз его встречу.

Мои мечты сбылись – Аленкин дядя с мальчиком лет семи чинили велосипед. Паренек был настолько точной копией Алексея, что у меня невольно кольнуло внутри – а вдруг это его сын?

Увидев меня, мужчина отвлекся от железного коня.

– Уже закончили?

– Закончили. – Я чуть улыбнулась. Если он джентльмен, то должен как-то ответить на мою улыбку.

Аполлон был джентльменом.

– И как успехи? – Он тоже улыбнулся. Вот это хорошо. Можно немного развить тему. Только бы не переборщить, не показать, что я жутко им заинтересована.

– Нормально. Алена способная девочка, и, даже не смотря на болезнь, заслужила сегодня твердую пятерку.

Ольга, судя по-всему, еще не вернулась, потому как на правах хозяина провожать меня до калитки отправился САМ.

– Она у вас все схватывает на лету, – вещала я, нисколько не кривя душой.

– Ольга тоже в свое время хорошо училась. – Алексей чуть улыбнулся, и тут же нахмурил брови. Правильно, нечего сплетничать про родного человека с незнакомцами. Я мысленно поставила плюсики в актив Аполлона.

Мы уже подошли к калитке, и надо было прощаться.

– До свидания. – Я едва раздвинула губы в улыбке, но глаза сделала теплыми настолько, насколько только могла.

– До свидания. – Он не спешил разворачиваться и уходить, хотя я уже была на улице.

– Если Алена будет себя неважно чувствовать, то позвоните мне, и мы перенесем занятия.

– Спасибо. Будем надеяться на лучшее. Когда у вас следующая встреча?

Я чуть не подпрыгнула от радости. Но сдержала лицо и ответила вполне достойно:

– Мы занимаемся три раза в неделю – во вторник, в четверг, и в воскресенье.

– Ну, тогда до вторника.

Все, пора проваливать. Я откланялась.

Как ехала по поселку, не помню. И потому, едва вырвав на трассу, свернула на обочину и остановилась. Мне надо было придти в себя.

«Что это? Неужели я схожу с ума? Что за наваждение?» – думала я, судорожно вцепившись в руль. «Неужели третий пункт странного Аллочкиного плана исполнится раньше других?» «Дура! Увидела симпатичного мужика – и сразу разомлела! А нужна ли ты ему?» – отрезвил меня здравый рассудок.

Я потрясла головой и осторожно поехала дальше. Выбор между разгоравшейся страстью и приличиями я предоставила сделать самой жизни. И все же в моей глупой голове появилась подленькая мыслишка – а что, если у меня больше не будет возможности его увидеть? Аленка поправится – и что тогда? Но я тут же одернула себя – не говори глупости – причем здесь ребен-

нок? По-твоему выходит, девочка должна болеть ради того, чтобы у тебя была возможность видиться с Алексеем? Точно – Лена – ты дура.

Во вторник, скажем так, мне везло с переменным успехом. Сначала все шло вроде бы и не плохо – с утра зарядил такой ливень, что речи о том, чтобы ребенок добирался до меня сам (да еще и больной ребенок!), просто не могло быть. Я села в свою малышку-малолитражку и благополучно докатила до поселка.

А вот на этом мое везение кончилось. Аполлона свет Алексея дома не было. Меня встретила Ольга.

Признаюсь – мне взгрустнулось. Но занятия я провела на совесть.

И уже на выходе из дома получила вознаграждение – на крыльцо поднимался дядя Аленки. Мы поздоровались. Я с трудом сдержала лицо. Моим губам очень хотелось расплыться в дурацкой улыбке от уха до уха, но я всего лишь приветливо улыбнулась. Он тоже улыбнулся. Вроде бы как натурально...

– Вы уже закончили? – мне так хотелось услышать в его голосе сожаление, но вопрос прозвучал вполне обычно.

– Да. Пусть Алена отдыхает до четверга. – Тонко напомнила я ему о возможности следующей встречи.

Он кивнул.

– Надеюсь, что к тому времени она окончательно поправится.

– Да. – Он снова кивнул.

– До свидания. – Попрощалась я.

– Вы на машине?

Ну, наконец-то! А то я уж так и думала, что уйду не солоно хлебавши.

– Да. Если бы своим ходом, то я бы даже и не рискнула к вам сюда выбираться. Хоть и живу недалеко, но сегодня достаточно десяти минут, чтобы вымокнуть до нитки даже под зонтом.

– Да уж, раскисло небушко, – усмехнулся Алексей.

– Небушко! Какое интересное слово! – Тут же уцепилась я. Надо же из чего-то слепить разговор.

Разговор слепился. От Аленкиного дома я отъехала минут через двадцать. И мы договорились о свидании. На завтра!

Вечером этого же дня позвонила моя свекровь. Ушаков, оказывается, уже дня три проживал у нее. А сегодня днем упер у матери все деньги из кошелька. Все деньги, на которые она планировала прожить неделю до предстоящей пенсии. Бедная женщина плакала в трубку. Признаться, я все эти годы не очень с ней ладила. Мы не ругались, но... Одним словом – худой мир лучше доброй ссоры. Вот так и мы. Только когда я подала на развод, свекровь встала на дыбы – ну, конечно, это же я во всем виновата, а бедный мальчик... Ну, вы же наверняка догадываетесь, что может наговорить любящее материнское сердце. Я смолчала. Во-первых, мне не хотелось с ней ругаться, особенно напоследок. Скоро нас с Ушаковым разведут. Во-вторых – я предпочла предоставить ситуации как-нибудь разругаться самой собой. Что, впрочем, совсем быстро произошло, даже раньше, чем я ожидала. Сынок добрался до материнского кошелька. То-то же! В душе мне было, конечно, жаль старушку, но теперь она на собственной шкуре почувствовала каково это – терпеть от близкого человека такую подлость...

Посочувствовав свекрови, я пообещала подкинуть ей денег. Я не боялась оказать ей финансовую помощь – в чем – в чем, а в денежном вопросе у нас с ней все эти годы существовало неписаное правило – долги надо отдавать. Поэтому деньги я свекрови пообещала, твердо зная, что она мне их вернет.

А потом я полезла в шкаф делать ревизию своего гардеробчика. В чем идти на свидание? А, действительно, в чем?! Хотелось выглядеть достойно, но не выдавать своего явного интереса к Алексею. Но и зацепить его взгляд тоже не мешало.

На следующий день после проведенного осмотра я отправилась в магазин. Купила синие брючки в обтяжку и вполне симпатичную блузку. С прической я справилась сама. И в девять вечера подкатила на такси к небольшому ресторанчику.

Мой кавалер оказался интересным собеседником. Спустя буквально полчаса мы болтали с ним так, словно были знакомы сто лет. Мы не рассказывали друг другу о своей прошлой жизни, не грузили друг друга своими проблемами. Просто сидели и болтали – о природе, о погоде, о детстве. По возрасту мы оказались ровесниками, так что воспоминания наши были понятны обоим.

Потом мы пешком отправились гулять по городу. Было уже темно и довольно прохладно – после дождливых дней погода почему-то не торопилась налаживаться. Пробродив часа два, мы с Алексеем оказались возле моего дома. Приглашать его к себе в первый же вечер в мои планы не входило. Мне не восемнадцать лет, я не глупа и знаю себе цену. Мне нравился этот мужчина, но торопиться я не собиралась. Хотя мне, в принципе, ничто не мешало – даже мой без пяти минут бывший муж и тот капитально отсутствовал.

Алексей тоже повел себя по-джентельменски. Он не стал напрашиваться ко мне в гости. Мы поболтали о том, о сем и распрощались.

Дома, лежа в постели, я прокручивала нашу встречу и по крупицам, откидывая все лишнее, собирала информацию о своем новом знакомом. Вот так, просто болтая о всякой ерунде, мы вольно или невольно, но открываем собеседнику свои некоторые секреты. Тщательно отсортировав все нужное и ненужное, я получила следующую картину: Алексею, как я уже говорила, примерно столько же лет, сколько и мне. Он родился и вырос в том поселке, в том самом доме, где мы с ним встретились. Ольга его единственная младшая сестра. Родителей,

к сожалению, уже нет в живых. Он действительно об этом сожалел – я видела, как при упоминании о них между его бровей буквально на мгновение, но пролегла скорбная складочка. По моему это был плюс в его пользу. Я сама очень люблю своих родителей. Люблю маму, люблю отца, хотя и плохо его помню. Люблю отчима, который растил меня, как родную дочь, с десяти лет. Я не висну у них на шее и не зацеловываю. Просто люблю.

Алексей был человеком общительным и, похоже, работал в довольно большом коллективе – в его речи часто звучали фразы: «мы с друзьями», «один мой хороший знакомый», «моя бригада», «мы с мужиками». Повидал он на белом свете немало, рассказывал интересно, в красках и, когда надо, с юмором. Речь была поставлена хорошо – не удивлюсь, если у него за плечами какое-нибудь толковое образование, и занимает он приличную должность. По крайней мере, на простого рабочего, кладущего кирпичи или мешающего бетонный раствор (да простят меня строители!) он не очень был похож..

В еде, по его собственным словам, он был неприхотлив. Но очень любил торты. И в самом деле, в конце ужина уплет парочку довольно увесистых пирожных с кремом. Мне же всего этого даже на дух было не надо. Гм... Вот уже и разногласия во вкусах...

Была ли у Алексея сейчас или в прошлом семья – это пока оставалось для меня неведомым. Он ни словом, ни звуком даже не намекнул мне на наличие или отсутствие таковой. Но и про мою тоже не спрашивал. Означает ли это, что его сие просто не интересует, так как он не собирается заводить со мной серьезные отношения? Но ведь и я не собираюсь. Он мне просто нравится как особь мужского пола. И не более того. Пока мне больше ничего не нужно.

Придя к такому умозаключению, я повернулась на бок и уснула.

Он сделал мне предложение. В четверг Аленка приехала на занятия с мамой, с Алексеем мы просто поговорили по телефону. А на следующий день он позвонил мне прямо с утра и предложил встретиться в любое удобное для меня время и выбрать место. Я предпочла вечер. И небольшое кафе рядом с моим домом.

Мы взяли по мороженому.

– Лена, у меня к тебе есть предложение. – Алексей улыбнулся. Еще при прошлой нашей встрече мы перешли на «ты».

– Какое? – Мне и в самом деле было интересно.

– Не хочешь немного поупражняться в своем немецком?

Я вопросительно подняла брови.

– Дело в том, что на следующей неделе я уезжаю на работу. У нас на объекте будет работать иностранный специалист – немец. А у переводчика серьезные проблемы, и его две недели не будет. Нам нужно продержаться эти две недели.

– Не-е... Тут нужно знание терминов всяких там ваших! А я почти самоучка!

– Мы не сразу приступим к работе. Первые несколько дней уйдут на обустройство, а там и переводчик подъедет. А на бытовом уровне ты справишься. К тому же тебе заплатят.

Я запнулась. Ну какой из меня переводчик! Так, поболтать я, конечно, могу. Но с настоящим живым немцем? Меня, как говорится, терзают смутные сомнения...

– Дело не в деньгах... – я озвучила ему свои мысли.

– Он немного говорит по-русски, но совсем чуть-чуть, несколько фраз. И так же капельку понимает на слух, – вернул Алексей.

– И что это даст? Вы лучше нашли бы знающего человека на эти дни.

– В том-то и дело, что где ж такого взять? Мы пробовали.

Я внимательно всмотрелась в лицо Алексея. Нет, чтобы сказать – я хочу, чтобы ты была со мной. Сказал бы так, может я бы и согласилась. Хотя... Соглашаться только для того, чтобы быть с ним рядом, но не быть уверенной в своих силах... Нет, пожалуй, я так не могу.

– Понимаешь, у нас есть некоторые условия, из-за которых женщины не соглашаются.

– А почему именно женщины?!

– Мужчин – носителей языка мы просто не нашли. Не брать же нам профессора университета...

– Интересно. – Я сложила руки на груди и выпрямила спину. – А вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

И мой спутник выдал мне «на гора» такое, что я несколько минут потом просто сидела молча, переваривая информацию. Оказывается, их бригада будет строить жилой комплекс для газовиков. И находится их будущий объект ни много ни мало в глухой глуши, в Карелии. До ближайшего жилья, а то бишь и до цивилизации всего полчаса. Но... на вертолете. Другому транспорту просто пока туда не добраться. Вот так.

И я должна на это согласиться?! Но почему?! Мне, что, больше всех надо, или жить надоело? Видимо на моей физиономии кое-что все же отразилось, потому как Алексей, наблюдавший за мной, кривенько усмехнулся.

– А почему, собственно, я должна согласиться?

Мы смотрели друг на друга в упор. И оба молчали.

Вообще-то со следующей недели у меня начинается отпуск. И деньги мне не помешают. Алексей будет рядом. Это были аргументы «ЗА». Дальняя дорога, совершенно неустроенный быт, определенный риск, да скоро я и так уезжаю, а вернее, улетаю на море. Зачем мне это надо?! Мало того, что меня наверняка зверски искушают комары и прочий гнус, так еще и будет ли с меня толк как с переводчика? Это были аргументы «ПРОТИВ». Их было больше. Они были весомее.

И все же я согласилась.

– Я обещаю, что с тобой все будет в полном порядке. И долю романтики гарантирую. Ребята в бригаде все хорошие, никто тебя не обидит. И к тому же есть две женщины – одна повар, другая медик. Мы все давно вместе работаем, конфликтов не было. – Алексей смотрел просто и открыто.

Услышав эти слова, я почувствовала, что близка к тому, чтобы согласиться.

– Вообще-то у меня путевка куплена на море... Через три недели улетаю.

– Там тоже есть море. Белое. Холодное, правда... – он слегка улыбнулся.

Улыбка у него была, надо сказать, очень красивая. **ОЧЕНЬ...**

И я сдалась.

Через три дня мы с Алексеем вошли в контору строительной фирмы. Мне предстояло знакомство с их бригадиром.

За столом в небольшом кабинете сидели двое мужчин. Они прервали разговор и посмотрели на нас. Взглянув на сидевшего напротив меня человека, я невольно попятилась к двери. Мой спутник, не заметив этого, прошел к столу, поздоровался со вторым мужчиной за руку.

– Вот, привел. Знакомьтесь. Елена.

На меня с интересом смотрели уже знакомые глаза. Ну, да, конечно, теперь я его помню. Бассейн, троллейбус... А вот он меня явно не помнил.

Я поздоровалась. Мне ответили. Второй мужчина поднялся из-за стола, кивнул своему собеседнику и, пообещав зайти позже, вышел из кабинета.

– Проходите, что же вы там стоите, – хозяйским жестом пригласил меня к столу мой старый знакомый.

Он смотрел на меня спокойно, и до сих пор явно так и не признал. А я-то, кажется, даже знала его имя и фамилию, только вот не помню сейчас...

– Присаживайтесь, рассказывайте.

Алексей выдвинул мне стул. Надо же, джентльмен! Я ему благодарно улыбнулась. Мужчина как-то странно стрельнул по нам глазами. Мой Аполлон заговорил первым. С его слов я поняла, что у них уже был разговор обо мне. Так что особо распространяться мне не пришлось.

Выслушав Алексея, мужчина в упор посмотрел на меня.

– Нам нужно продержаться без переводчика дней десять. Может чуть больше. Сможете?

Я пожала плечами.

– Буду стараться.

– Дело в том, что уехать оттуда по первому требованию вам не удастся. Это просто физически невозможно.

– Я в курсе.

Снова быстрый, но цепкий взгляд в сторону Алексея.

– Это хорошо.

В итоге мы договорились. Мне была обещана неплохая сумма, и тут же был выплачен аванс. «На сборы» – вполне серьезно пояснили строители. Следующая наша встреча должна будет состояться через два дня. И прибыть на нее я должна со всей экипировкой.

А мужчина меня так и не узнал. По крайней мере, ни словом, ни жестом он не дал понять, что видел меня раньше. Я хмыкнула. И тут же забыла о нем.

Сначала мы целые сутки ехали на поезде. Мы – это одиннадцать человек, включая меня. Трое из одиннадцати были женщинами (тоже включая меня). Ехали мы в трех соседних купе. И хочу отметить, что общий язык со своими двумя соседками, а так же со всей остальной бригадой, я нашла довольно быстро. В основном это были мужчины лет тридцати «с хвостиком». Оно и понятно – в таком возрасте у всех наверняка есть семьи, которые нужно кормить, пусть даже уезжая из дома довольно надолго. Обычно вахтовики зарабатывают вполне достойно. Лишь одна женщина, по имени Оксана, месяц назад справила пятидесятипятилетие. Она была очень полная, но и в то же время очень подвижная. Владела своим телом в совершенстве. И так же в совершенстве владела своим языком. Не была болтлива, нет. Но несколькими фразами, а то и просто несколькими словами могла донести до слушателя именно то, что имела желание сказать. Чем-то она напомнила мне похудевшую Катю в ту пору, пока она еще не была похудевшей.

Вторая моя спутница по имени Люба, была, наоборот, довольно высокая и худая. Хотя потом, понаблюдав за нею, я заменила слово «худая» на «жилистая». Так было точнее.

Мужскую часть бригады я сразу не очень рассмотрела. Алексея я уже знала, остальные пока отложились в моей голове только по именам. Я всегда почему-то стараюсь запомнить имя человека, с которым свела меня судьба. Мне легче назвать его по имени, чем просто по фамилии. Уже давненько я где-то вычитала, что ничто так не ласкает нам слух, как услышанное из чужих уст собственное имя. И даже еще не зная этого, я всегда старалась обращаться к человеку по имени, а не фамильярничая.

А вот бригадира среди нас не было. Как не было и «моего» немца. Я спросила у Алексея об этом. Он пошутил:

– Не терпится начать «шпрехать»?

– Да нет, просто интересно...

Алексей пояснил, что немецкий коллега и первая часть бригады уже почти на месте, они уехали вчера вечером.

– А мы, значит, вторая часть? – поинтересовалась я, удивившись большому количеству людей. Но, видимо, так и надо для дела, ведь я во всем этом совсем ничего не понимаю.

– Ага.

– А как же он там без меня?

– День продержится. А ночью болтать с кем. Пусть спит. Мы, если все нормально, уже после полудня к ним присоединимся.

Так и вышло. Утром следующего дня мы вышли на вокзале в каком-то городке. Нас погрузили в микроавтобус и свезли на аэродром. А уже оттуда нашу бригаду забрал небольшой самолет.

Конечно, я не так представляла себе свой первый полет. Моя бурно разыгравшаяся фантазия уже не раз и не два рисовала мне красивейший белоснежный лайнер, причем не знаю почему, но огромных размеров; обалденной красоты улыбчивую стюардессу, смуглого, сексапильного пилота. Утонув в удобном мягком кресле, я непременно взяла бы в руки стакан с каким-нибудь экзотическим коктейлем, и, неторопливо потягивая его через соломинку, любовалась бы землей с высоты птичьего полета.

Ничего этого не случилось. Лайнер был не большой и не белоснежный, а серый, с какими-то зелеными полосами по борту. Стюардессы вообще не было никакой. Кресла, правда, были, причем довольно уютные, на это я ничего не скажу. Коктейля мне никто не предложил. И вообще, как только самолет тронулся с места, мне вдруг стало страшно. Мы еще не оторвались от земли, а я уже беспокойно заерзала на своем месте.

Алексей сидел со мной рядом и, видимо, понял мое состояние.

– Лен, ты уже летала?

– Нет. – Честно сказала я.

– Не бойся. – Он протянул мне леденец. – На, сунь в рот, а то вдруг уши заложит.

– А это, что, помогает?

– Ага.

Не знаю – из-за леденца ли, или просто так, но уши у меня не заложило. И вообще процесс отрыва от земли, и набор высоты я перенесла вполне сносно. А потом отступил и страх. Уже высоко в воздухе я наконец окончательно расслабилась. Любуясь в иллюминатор на пушистые облака под собой, я задумалась.

«Ну, вот, Аллочка, я и в воздухе. Первый пункт твоего плана можно считать выполненным. Может и не так все сказочно комфортно, как хотелось бы, но и все же я лечу. Благодаря тебе, моя дорогая, впервые в жизни». Горло мое вдруг перехватило. Я с трудом сдержала набежавшие слезы. Посмотрела в иллюминатор. «Может быть и ты где-то здесь, Аллочка... Смотри же на меня, как обещала, и радуйся – Я ЛЕЧУ!»

Я вдруг вспомнила, что листочек с Аллочкиными желаниями лежит где-то у меня не то в паспорте, не то в записной книжке. Я нашла его, достала из сумки ручку и зачеркнула первый пункт.

ПУНКТ ВТОРОЙ

На моих часах едва перевалило за полдень, когда самолет приземлился возле какого-то поселка. Нас почти сразу же пересадили в вертолет, и буквально через полчаса я, наконец, увидела место моей новой работы.

Сначала под нами простирался почти сплошным зеленым ковром лес. Потом вдалеке появился прогал. Наш вертолет явно направлялся к нему. Вскоре внизу уже можно было разглядеть несколько вагончиков и еще какие-то строения, технику, открытую и стоящую под огромным, но недостроенным навесом. Мы стали снижаться.

Алексей вместе со своими сумками подхватил и мои баулы, и мы направились к выходу.

Рядом с вертолетом стояли несколько мужчин в камуфляже. Они помогали вновь прибывшим выходить из вертолета, принимали их вещи. Когда подошла моя очередь покинуть вертолет, кто-то протянул мне руку.

Это был Сосновский.

Не знаю – случайно это получилось или нет. Я стрельнула в него глазами и вдруг смутилась.

– Гутен таг! – Услышала я рядом хороший немецкий. Рядом с Сосновским стоял высокий русоволосый парень или молодой мужчина, я толком не успела разобраться в его возрасте с первого взгляда. Ну, что же, как говорится, приступай, моя дорогая!

Я развернулась к немцу и улыбнулась.

– Здравствуйте, Вильям. Меня зовут Елена. Я буду помогать вам несколько дней, пока не придет настоящий специалист. Не судите строго за мой немецкий, я почти самоучка. – Сказала я ему на его родном языке.

Немец рассмеялся.

– О-о! Я бы так не сказал! Акцент у вас, конечно, не берлинский, но произношение вполне хорошее! И я тем более не буду вас осуждать – ведь сам вообще не знаю вашего языка.

Слава Богу! Мы неплохо понимали друг друга! Это меня настолько обрадовало, что я почти перестала чувствовать усталость. Я на совесть отработала оставшийся день, а вечером, едва добравшись до своей койки в вагончике, уснула крепким сном. Безо всяких сновидений.

Следующий день был полностью посвящен обустройству быта. Сначала мы с Оксаной и Любой тщательно перемыли свой вагончик, как могли украсили его всякими женскими штучками, которые, как по волшебству, являлись из сумок моих соседок. Я безделушек с собой не брала – зачем они мне на несколько дней? А вот этим двум дамам предстоит здесь жить долго – насколько я поняла, бригада будет здесь работать до ноября месяца.

Потом женщины меня отпустили, и я переключилась на немца. К счастью, он оказался не болтлив, но и все равно к вечеру я устала. Еще бы – ведь мне приходилось не только работать языком, но и головой, прокручивая (причем быстро!) услышанное, переводя с русского на немецкий и обратно.

С Алексеем налаживать отношения мне было некогда. Он тоже не больно-то ко мне стремился. В принципе, все мы были заняты своими делами. И лишь поздно вечером, когда я, пожелав Вильяму спокойной ночи, собралась идти к себе, Алексей перехватил меня.

– Ну, как? – Мы остановились недалеко от моего вагончика.

– Нормально. Кажется, он меня понимает.

– Ну-у... Я бы даже сказал, что вы вообще общаетесь на равных!

– Это только так кажется!

Мы поулыбались друг другу. Помолчали. И тут Алексей предложил:

– Очень устала? Может, пройдемся?

Был теплый тихий вечер. Мне, в принципе, нравился этот мужчина. Почему бы и не пройтись?

В свою кровать я вернулась уже глубоко за полночь.

Мужчины начали работать. Накануне они так же, как и мы с Оксаной и Любой устраивались и обживались. А сегодня с самого утра занялись делами. Несколько человек стали достраивать большущий навес, где стояла техника. Другие тоже оказались чем-то заняты. Даже «мой» немец и тот взялся за лопату и начал копать какую-то канаву.

Оксана была поваром, Люба – врачом. Мне досталась самая несложная роль – я просто была где-нибудь неподалеку от Вильяма, готовая всегда придти ему на помощь.

С Алексеем мы виделись мельком, кивали друг другу или просто слегка улыбались. Вчера между нами ничего не было. Мы просто проговорили с ним все это время.

Сначала разговор был просто так, ни о чем. А потом как-то так получилось... Слово, как говорится, за слово... В общем, теперь я знала, что семья у него все-таки есть. Жена и две дочери. Старшая оканчивает школу, а младшая только еще пошла в первый класс. Но живут они не вместе. Официально не разведены, но... В общем, получилась какая-то некрасивая история, какая именно, он мне не сказал, а я в душу не полезла. В самом начале отпуска он ездил к девчонкам повидаться. Потом заглянет на новогодних каникулах.

Я тоже немного рассказала о себе. И тоже не все. Я давно уже уяснила, что, как поется в одной песне: «должна быть в женщине какая-то загадка».

После нашего разговора с Алексеем я сделала для себя следующие выводы:

1. Он почти свободен, а значит для Лены Ушаковой не все потеряно.
2. У меня есть время подумать.
3. Я буду думать.

Обо всем этом я размышляла, лежа в постели в третью ночь.

Следующий день был субботним, а значит выходным. Несколько мужчин отправились на рыбалку на небольшую речушку, протекавшую в километре от нашей базы. С ними увязался и Вильям. Ну а куда мне деваться – я тоже потопала рыбачить.

Просто сидеть с удочкой не хотелось, хоть мне и предлагали сей инструмент. Я гуляла по берегу реки, стараясь находиться недалеко от Вильяма.

Когда я проходила рядом с Алексеем, он обернулся. Заметив меня, подозвал к себе. Показал неплохой по моим меркам улов. Я не успела отойти, как у него опять клюнуло, и я невольно затормозила, надеясь первой увидеть добычу. Щука. Большая! У него в ведре еще таких не было.

– У тебя рука легкая, честное слово! Смотри, только ты подошла, и сразу – оба-на! – польстил он мне.

Я довольная улынулась. И краем глаза заметила идущего в нашу сторону бригадира. Он тоже увидел нас. И снова этот быстрый взгляд – на меня, на Алексея. «Сфоткал» – почему-то подумалось мне. Я подняла двумя руками только что пойманную рыбку.

– Ваша добыча? – Вежливо поинтересовался Валерий Борисович.

– Нет, Алексея.

– Поздравляю.

– А у вас как?

Он кивнул на свое ведро. До него было недалеко, и я сделала эти несколько шагов. Улов бригадир составляли довольно неплохие экземпляры, но все же «наша» щука была солиднее. Я с гордостью посмотрела на Валерия Борисовича. И тут заметила, что он выше меня ростом. Странно – там, в бассейне, да и в трамвае тоже мне почему-то казалось, что он невысокий. Крепкий, хорошо сложенный, но не высокий. А так как сама я дама не мелкая, то мужчин всегда оцениваю в том числе и по росту. Я невольно опустила голову вниз. Ну да, точно, я же тогда была на высоких каблуках, а сейчас стою в резиновых сапогах. В этот момент до меня донесся зов Вильяма. Пришлось вернуть щуку Алексею и идти к немцу. Сосновский тоже шел в ту сторону, и невольно мы стали шагать рядом. Оба молчали. В моей голове родилась вдруг странная мысль – неужели он так меня и не вспомнил? По-крайней мере не делает никаких намеков на это. А и ладно, мне-то что? Не помнит – значит, не помнит.

– Лена! – Вильям все же надумал выучить русский язык и решил начать с моего имени.

На обед Оксана сварила нам уху и нажарила две большущие сковородки рыбы. А так как «рыба посуху не ходит», то остаток субботнего дня наша бригада провела в праздности и питье. Больше, правда, я такой вольности там не видела. Честно. А в тот день было здорово! Много, вкусно, весело. Мы от пуза наелись рыбных блюд, подвыпили тоже не слабо. До дурноты никто не набрался, но ведь не в этом же была наша цель! Велись душевные разговоры, спорили о политике, ругали и хвалили эту жизнь. В общем, все как всегда!

Надо признаться, что и «мой» немец тоже от нас не отставал. В России, по его словам, он был второй раз. Но первый не считается – лет десять назад приезжал в составе официальной делегации. В общем, настоящей русской России он тогда не увидел. А вот сейчас увидел. И очень она ему нравилась. Причем, с каждым часом все больше.

Я уже знала, что ему тридцать пять лет, что у него в Германии есть жена и годовалая дочь. Так-то он вел себя достойно, был в меру любопытен и тактичен. Сейчас же ему предстояло одно из серьезнейших испытаний под суровым названием «русская водка», и я, признаюсь, в душе побаивалась – как-то оно пойдет? Пошло нормально. Стопки три немец проглотил легко. Немного поморщился, но проглотил. Заметив тревожный взгляд, брошенный в нашу сторону Сосновским, я на всякий случай шепнула Вильяму, чтобы он был осторожнее с этим напитком. «Гут, гут!» – покивал головой мой подопечный. И, слава Богу, следующую пропустил. Но ему хватило и трех. Через некоторое время покрасневшийся, блестя глазами, немец размахивал руками и весьма активно участвовал в общей беседе. И что самое интересное – иногда он не пользовался моими услугами. Это чем-то напоминало кадры из небезызвестного фильма «Особенности национальной охоты», где молодой финн, до этого ни бельмеса не понимавший без переводчика, ругается с колоритной личностью по имени Кузьмич, который тоже совсем «не рубит» по-фински. И они прекрасно друг друга понимают. Вот так же и мы. Со стороны это было интересно наблюдать. Я усмехнулась – все-таки сама жизнь порой подкидывает такие кадры, что даже придумывать ничего не надо.

Но и мне тоже досталось. Мудрый Вильям, слегка одурманенный волшебным русским напитком, начал загибать такие вещи, что я только успевала шевелить мозгами. А попробуй – не переведи! Позориться-то неохота!

Напоследок народ начал разглагольствовать о смысле жизни. Это был последний, но самый мощный аккорд. Я хлопнула свою стопку «на посошок» и тоже вступила в дискуссию.

Краем глаза успела заметить, что Алексей, до этого сидевший рядом со мной, оказался вдруг рядом с Любой. Почему-то сей факт меня несколько не расстроил. И тут же я перехватила недоуменный взгляд Сосновского, брошенный в их же сторону.

– Лена, скажи, в чем смысл твоей жизни сейчас? – развернулся ко мне Вильям. Причем мое имя он произнес по-русски, а все остальное на родном языке.

Я призадумалась. А, действительно, ради чего я в данный момент живу? Мой ребенок вырос и живет совершенно самостоятельно. Ничего великого я не совершаю. Но живу же! Ради чего?! Просто потому, что люблю жить? Перед глазами вдруг всплыла слабая улыбка Аллочки. Как она тогда сказала? «... Я сверху посмотрю. И порадуюсь за тебя и за себя...» Вот ради этого я и живу сейчас. За нее и за себя. Я должна, я просто обязана выполнить ее самые сокровенные желания. Но как объяснить все это немцу, да и надо ли объяснять?

Я встретила взглядом с Сосновским. Он с интересом смотрел на меня. И, похоже, тоже ждал моего ответа.

– Я обещала одному человеку, что сделаю кое-какие дела. Вот ради этих обещаний я сейчас и живу. – Тщательно подбирая слова, произнесла я, повернувшись к Вильяму.

Он согласно мотнул головой.

– Понимаю. – Подумал немного. – Это твой любимый человек?

– Очень. Очень любимый.

Видимо что-то отразилось на моем лице – немец внимательно посмотрел на меня.

– Вы расстались?

Я только кивнула. Мне почему-то снова стало больно вспоминать об Аллочке.

– А вот ради чего живет Валерий? – немец почувствовал мою грусть и поспешил переключиться на другого.

Я перевела. Наш бригадир усмехнулся.

– Живу. Просто живу. Никогда не задумывался – ради чего.

Я снова перевела. И добавила от себя.

– Все просто так живут. Но и все равно, если хорошенько подумать, то все мы живем ради чего-то. Или кого-то... Даже если думаем, что живем просто так.

– Интересно. – Хмыкнул Сосновский.

– Конечно. – Невозмутимо согласилась я.

Кто-то тихонько тряс меня за плечо.

– Вставайте! Ну! Просыпайтесь же!

С огромным трудом я разлепила глаза. И увидела склонившегося надо мной Сосновского.

– Что?! Что случилось?! – я резко дернулась, пытаюсь подняться, но он приложил палец к губам, призывая к тишине.

– Тихо, не шумите. Все спят. Оденьтесь, я на улице подожду.

Натянув на себя кой-какую одежонку, я вышла из вагончика. Валерий Борисович, засунув руки в карманы штанов, стоял неподалеку. Услышав, что я вышла, он обернулся. На улице предрассветный полумрак – перед выходом я догадалась глянуть на часы – был пятый час утра. Я зябко повела плечами – холодно. И спросонья холодно, и откуда-то явно тянет свежестью. Вроде бы кто-то говорил, что недалеко отсюда есть озеро.

– Что случилось? – уже безо всякого энтузиазма спросила я.

Сосновский быстрым взглядом окинул меня с головы до ног. Я снова поежилась.

– Вы спрашивали – ради чего, по-моему, стоит жить? Пойдемте, покажу. Только оденьтесь потеплее. И сапоги наденьте, а то сыро.

Мы шли не очень долго – минут десять – пятнадцать. Шли неторопливо, и за это время я успела окончательно проснуться. Было свежо, местами лежал густой, как вата, туман. Сапоги мои были мокры почти до колен и облеплены мелкой зеленкой – листиками и крупинками всяких семян.

Сосновский шел впереди.

– Вам, что, не спится? – незло поинтересовалась я у него.

– Спит, почему же. Только то, ради чего я вас поднял в такую рань, в другое время не увидишь.

– Интересно, что же это такое?

– Сейчас, уже почти пришли.

Я только хмыкнула в ответ.

Когда через пару минут мы вышли из довольно высокой травы и прошли еще метров двести, я просто открыла рот.

Мы оказались на берегу большого озера – такого большого, что противоположные берега были видны не очень четко. Туман, стлавшийся над водой, начинал редеть и таять. По поверхности прозрачной, как слеза, воды, иногда пробегала легкая рябь. Росшие по берегам сосны, словно зубы короны, украшали собой озеро. И над всем этим начинало происходить чудо.

Я никогда, а особенно в последнее время, не отличалась сентиментальностью. Но тут даже у меня перехватило дух. Честно – такой красоты я еще в жизни не видела. Огромный, какого-то прозрачно – голубого оттенка горизонт словно дрожал в легком мареве, медленно меняя цвет на более теплый, и постепенно превращаясь в золотисто – розовый. Не было слов, чтобы точно описать все краски, всю красоту, рождающегося на наших глазах чуда. И, в довершение ко всему этому волшебству, вдалеке, там, где небо словно слилось с зеркальной поверхностью озера, из самого горизонта начинала разливаться алая полоса. А из нее на свет Божий медленно, но верно являлся огненно – золотой диск Его Величества Солнца.

Я замерла, затаив дыхание. Господи! Вот оно – Счастье! Это был настоящий экстаз! Мне казалось, что во всем мире сейчас существую только я одна. Никого и ничего нет вокруг, кроме меня и прекраснейшего чуда под названием Рассвет. Рождение Солнца, Рождение Нового Дня... Это была такая красота, что думать ни о чем другом просто было невозможно. А возможно было только смотреть на все это, любоваться, и впитывать в себя краски, восторг и чистоту происходящего действия.

По моим щекам почему-то потекли слезы. Я не сразу заметила их, а когда заметила, то просто не нашла в себе силы их смахнуть. Ну и пусть, пусть текут, кому сейчас есть дело до них!

Не знаю – сколько времени прошло, пока солнечный диск полностью поднялся над озером – я потеряла ощущение времени. Я вообще как будто все потеряла, я словно заново родилась и смотрела на мир другими глазами. Омытыми слезами, но такими счастливыми глазами. Я не замечала жуткого холода, который пробирал меня до костей. В любое другое время я с визгом и руганью просто удрала бы к себе в вагончик и забралась по самую макушку под одеяло. Но сейчас мне было не до этого. Я стояла, смотрела, ни о чем не думала. И мне было хорошо.

Когда я пришла в себя, то вдруг вспомнила, что я здесь все-таки не одна. Меня же привел сюда Сосновский. Он стоял неподалеку и тоже смотрел на озеро. И ничем мне не мешал. Он вообще не вторгался в мое пространство. И это меня устраивало.

Я постояла еще немного, потом глубоко вздохнула и повернулась к нему.

– Спасибо.

– За что?

– Вот за это. – Я мотнула головой в сторону озера.

Он молча пожал плечами.

Потом мы медленно брели назад. Мне разговаривать ни о чем не хотелось, Валерий Борисович тоже молчал.

Когда мы подошли к моему вагончику, из него вышла заспанная Оксана. Сладко зевнула и только потом увидела нас. Глаза ее удивленно расширились.

– Доброе утро. – Поздоровался Сосновский.

– Доброе. – Мотнула головой повариха, и, не глядя на меня, торопливо пошла к вагону, где размещалась столовая.

Мой провожатый усмехнулся.

– Ну вот, теперь я вас, кажется, скомпрометировал.

– Переживу. – Фыркнула я.

И вдруг мы замолчали. Причем оба словно наткнулись на какую-то невидимую стену. Стало смешно и неловко одновременно. Как на первом свидании.

Потом мы совершенно синхронно глубоко вздохнули и посмотрели друг на друга. И рассмеялись.

– Ну, ладно, я пойду. Спасибо за прогулку.

– Не за что. Простите, что рано поднял.

– Это того стоило.

Что-то щелкнуло в моем мозгу. Я отчетливо помнила, что приехала сюда с определенной целью – заполучить Алексея. Или хотя бы разобраться – хочу ли я его получить.

Забравшись под одеяло, я с удовольствием закрыла глаза, намереваясь еще поспать. Но не тут-то было. В голову тотчас полезли всякие разные мысли. И все они крутились вокруг одного – Сосновский. Что, откуда, зачем? У меня же в планах совсем другой человек! И наш бригадир в мои планы не входил. Тем более что на его руке все так же поблескивало обручальное кольцо. Да что там кольцо – он сам мне совсем был не нужен! Придя к такому выводу, я перевернулась на другой бок и сразу же заснула.

Утро началось, а вернее продолжилось, жутким матом. Стены нашего вагончика просто сотряслись от столь звучной тирады. С трудом разлепив глаза, я глянула на часы. Семь. Я поспала всего полчаса. Сегодня воскресенье, и в мои планы не входил столь ранний подъем. Вашу дивизию! Кому там тихо не сидится?!

Рядом заворочалась Люба. Тоже чуть слышно матюгнулась. И так же, как и я, глянула на часы. Увидев, что я не сплю, хрипло спросила:

– Кто это там?

– Не знаю.

Мы прислушались. Орал Живцов – наш инженер. Странно, от кого – от кого, но от этого спокойного, в принципе, мужика услышать такое было более чем необычно. Значит, что-то случилось. Пришлось вставать и вылезать из вагончика.

Оказалось, что ночью у нас побывал гость. Медвежонок. Судя по следам. Но, признаюсь, у меня даже от этого сообщения затряслись ноги. Он не прошел по всему лагерю, только заглянул под навес, где лежало оборудование. Но дел натворить успел. Самым главным его преступлением был выведенный из строя какой-то очень навороченный инструмент. Что уж он там с ним сделал, как сумел его сломать – в такие подробности я вдаваться не стала, уяснив для себя только одно – самим нашим ребятам с такой поломкой не справиться. Придется вызывать вертолет и лететь за новым.

Я, признаюсь, порядком струхнула. Блин, какие медведи?! Я не договаривалась ни о каких медведях! И потом – если есть маленький медвежонок – значит, есть и большой медведь. Его мама. А может даже и папа, и бабушка, и дедушка. Не-ет, это уже как-то не для меня. Мелькнула предательская мысль сесть в вертолет и больше никогда сюда не возвращаться.

В вертолет меня и так погрузили. Вместе со мной туда забрались все еще расстроенный Живцов, Сосновский и Вильям – почему, собственно, меня и взяли.

Смешно, но именно благодаря маленькому медвежонку я попала в Архангельск. Пока Сосновский с Живцовым мотались по нужным инстанциям, мы с Вильямом прогулялись по городу. Для меня он так же был в диковинку, и мы глазели по сторонам с одинаковым любопытством. Погода была прохладная, но солнечная. Вдоволь нагулявшись, мы пообедали в небольшом уютном кафе. Ближе к вечеру к нам присоединились мужики. Возвращаться на ночь глядя не имело смысла, и мы решили переночевать в городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.